

УДК 316

СУБЪЕКТИВНАЯ ФОРМА БЫТИЯ ЦЕННОСТЕЙ

А. С. Кравец

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 ноября 2012 г.

Аннотация: анализируется форма бытия ценностей. Проводится различие между познанием и оценением. Если в познании предполагается реальное существование вещи до всякого познавательного отношения, то оценивание является не гносеологическим, а социальным процессом, в котором устанавливается какая-либо ценность любой вещи (материальной или духовной) по отношению к какому-либо субъекту (индивиду, группе, обществу). Вне этого отношения ценность не существует.

Ключевые слова: ценности, оценка, норма, идеал, смысл, реификация.

Abstract: within the article is analyzed the form of value being. The author marks the difference between the cognition and evaluation. If in the process of cognition based the real existence of its object before the act of cognition itself, the process of the evaluation is non-gnoseological process, – the evaluation is social process that states the value of the object (empirical or ideal) for some kind of the subject (individual, group, society). The author concludes that out of this relationship (social subject – object) the value does not exist.

Key words: value, evaluation, norm, ideal, meaning, reification.

Под ценностями обычно понимают любые явления, реальные или мыслимые, абстрактные или конкретные, существующие в предметной или духовной форме (художественная литература, религия, идеология, философские и политические учения), проекты и действия людей, институты общества, их функционирование, которые имеют какую-либо *значимость* для человека или человечества. К любому объекту можно подходить с двух точек зрения: с позиций его познания и оценивания. Целью познания является истина, т.е. соответствие наших знаний действительности. В оценивании нас интересует ценность объекта для нас, или его *значимость*.

Когда мы говорим о значимости, конституирующей некоторую ценность в обществе, то имеем в виду *отношение субъекта* (индивида или общества) к какому-то явлению или событию. Объект для нас ценностно значим, если мы можем как-то использовать его в своих интересах, включить в план своей жизнедеятельности, учесть в своих мотивах, проектах, ожиданиях, пожеланиях и т.д. Ценностная характеристика объекта – это характеристика ее значимости для человека (группы, общества). При ценностном подходе к вещи обращают внимание прежде всего на возможность включения ее в план своей жизнедеятельности или ее роль, место в культуре. Фокусом, в котором стягиваются и пересекаются все ценности, является человек, его интересы, потребности, ожидания, мотивы. Если воспользоваться языком Хайдеггера, то можно сказать,

что мир ценностей (их спектр, ранжирование, структура) определяется *присутствием* человека в мире.

Следует различать *ценности* и *формы их выражения*: оценки, нормы и идеалы. Здесь возникает весьма тонкий вопрос о форме существования ценностей. Если спросить любого неискушенного в философских спорах человека, существуют ли ценности, то он скорее всего ответит: «Да, конечно, существуют». И еще приведет в подтверждение своего мнения массу примеров: жизнь, здоровье, искусство, наука, семья, техника и даже те или иные идеи, которые он считает ценностными. По существу, всё, что создано человеком (вся культура, все артефакты, как предметные, так и мыслимые) попадают в класс ценностей. Но и чисто природные явления (ландшафты, реки, леса, горы, флора и фауна и т.д.) могут становиться, особенно в эпоху экологических кризисов, человеческими ценностями. Однако при всем многообразии форм существования ценностей – от предметных (материальных) до идеальных (субъективных) – есть одна их общая *бытийная* особенность: все они возникают при *оценивании* человеком «чего-нибудь».

«А чего именно? *Что* вы имеете в виду, когда говорите о ценностях?» – спросит дотошный читатель. Ответим: да всё, *что* угодно, может стать ценностью, если вы *это (что-то)* как-то оцениваете, причем результат вашего оценивания может быть любым: как позитивным, так и негативным. Ценность по своему аксиологическому статусу остается ценностью независимо от того, какую оценку со стороны оценивающего субъекта она получила. «Вещь» (явление, мысль, чей-нибудь поступок, проект) приобретает статус ценности в тот момент, когда она входит в поле внимания, интереса или мотива наших действий: практических или интеллектуальных, одобрения или неприятия, присвоения или отторжения.

Бытийность вещи как ценности формируется нашим отношением к ней как к определенной человеческой значимости, когда она *захватывается* планом нашей жизнедеятельности, включается в него. Само по себе объективно-реальное существование вещи не делает ее ценностью, как, например, существование какого-либо минерала в Альфе Центавре. И наоборот, подвиги Геракла (существующие лишь в мифе) могут стать для кого-то идеалом героических поступков, т.е. ценностью. Причем не важно, включается ли эта оценка в план жизнедеятельности отдельного индивида, группы или всего человечества. В подобных различных выражениях субъектности возникают ценности личностные, групповые, общечеловеческие, которые не всегда совпадают друг с другом.

Таким образом, мы настаиваем на том, что без субъекта (в широком деятельностном смысле) нет никаких ценностей. Чтобы более четко пояснить нашу основную мысль о *субъектной бытийности* всех человеческих ценностей, полезно еще раз сопоставить два принципиально разных по своей когнитивной природе процесса: познание и оценивание. Познание предполагает выявление *имманентных* свойств познаваемой вещи, при этом считается (и не без оснований), что вещь со всеми своими свойст-

вами существует в объективном мире до всякого познания. Оценивание – это принципиально другой процесс, хотя часто ему предшествуют какие-либо познавательные акты. В оценивании мы включаем «вещь» (в широком смысле) в тот или иной план нашей жизнедеятельности, той или иной значимости для себя (или человечества). Тогда, в процессе актов оценивания, и возникают ценности. Вне оценивания ценности не могут возникнуть.

«Но сама вещь всё же должна существовать!» – скажет читатель. Конечно, вещь может существовать вне оценки, до ее оценивания (хотя оцениваться могут и не существующие вещи, такие как Атлантида, кентавр и вечный двигатель), но тогда она еще не становится ценностью. Оценивание включает вещь в особый (социально-культурный) реестр существующих вещей – ценностей. Здесь на первый план в признании статусного характера ценностей входит не гносеология с ее противостоянием субъекта и объекта, а социальность. Именно социальное отношение (значимость) к вещи делает ее ценностью. Одна и та же вещь может принадлежать одновременно к двум принципиально различным статусам: объективности (например, когда в познании мы открываем какую-либо звезду или минерал) и ценности, когда мы начинаем как-либо оценивать ее, включать в план своей жизнедеятельности.

Оценивание «вещей» происходит в формах *оценки, нормы, идеала*. Искусственное противопоставление ценностей формам их выражения часто приводит к философской ошибке: к онтологизации и даже субстантивации ценностей, к превращению (конечно, в мысли определенных теоретиков) их в некий предмет, самостоятельно существующий вне человека и человечества. На самом деле, ценности не существуют вне своих форм выражения. Ценности – это общее (родовое) понятие для различных разновидностей ценностного отношения субъекта к миру, выражаемого в форме оценок, норм и идеалов. Как не существует «животного» вне конкретных, индивидуальных форм его существования, так и не бывает ценности вне формы своей выразимости, конкретной воплощенности в оценке, норме или идеале.

Давая оценку предмету, человек как бы включает его в контекст прошлой, настоящей или будущей индивидуальной или коллективной деятельности и судит о нем с точки зрения достижимости определенного результата: эффективности, полезности, приятности, моральности, эстетичности и т.д. Результат оценивания – оценка – это своеобразный приговор данному явлению, событию, предмету: хороший – плохой, полезный – вредный, красивый – безобразный, сильный – слабый, прогрессивный – реакционный, новаторский – рутинный, честный – бесчестный, справедливый – несправедливый, виновный – невинный, добрый – злой, народный – антинародный, гуманный – антигуманный. В оценке предмета органически слиты элементы объективности и субъективности.

Объективность оценки выражается в том, что в ней оцениваются вполне конкретные свойства какого-либо (духовного или материального) яв-

ления, события, поступка. Однако в оценке неустрашим и элемент субъективности, ибо она выражает значение этих явлений не самих по себе, а с точки зрения оценивающего субъекта.

Из мировоззренческих оценок вытекают смысложизненные правила, предписания, лозунги, императивы. Эти жизненные регулятивы обычно называют нормами. Нормы задают способ поведения личности или социальной группы, предписывают направленность определенных действий (например, «люби ближнего», «борись за свободу» и др.).

Важнейшим элементом ценностного подхода являются идеалы. Идеал – это ценностно-орнаментированный образ желаемого будущего. Специфическая особенность идеала состоит в том, что он носит целеуказующий характер, выражает должное, то, с чем следует соотносить свою деятельность в отличие от дескриптивного образа, отражающего сущее. Будучи порождением своего времени, продуктом своей эпохи, идеалы специфическим образом отражают ее социальные противоречия в форме расхождения между старым и новым, сущим и должным, воплощенным и желаемым, реальностью и мечтой.

Вопрос о форме бытия ценностей является главным философским вопросом в дискуссиях о природе ценностей, однако запутан в историко-философском дискурсе о сущности ценностей и до сих пор далек от решения. В первом приближении этот вопрос можно сформулировать следующим образом: где (в какой форме) существуют ценности – в объективном мире, в сознании человека (или коллективного субъекта) или они существуют как третья самостоятельная реальность? В истории философии представлены все варианты решения поставленного вопроса.

Весьма условно и приближенно можно выявить три исторически следующих друг за другом методологических подхода к объяснению природы ценностей: натурализм, биологизм, социологизм. Натурализм исходит из признания естественной природы ценностей и считает, что объекты природы обладают особыми, ценными для животных и человека свойствами. Человек и животные не создают ценности, а открывают (находят) их в окружающем мире. В натурализме абсолютизируется объективность ценностей. С точки зрения его представителей, ценности (понимаемые как качественно определенные свойства объектов или просто ценностные вещи) существовали бы, даже в том случае, если бы не было человека. Человек лишь использует эти вещи, которые существуют независимо от него.

Биологизм не далеко уходит от натурализма в трактовке ценностей, считая, что они представляют особо значимые для жизнедеятельности животных и человека свойства вещей. Ценности – особые вещи, находящиеся в окружающем мире, которые живые организмы (животные и люди) находят и используют в своих жизненных циклах. Ограниченность и натурализма, и биологизма, помимо отмеченной абсолютизации объективности ценностей, состоит еще и в том, что эти концепции не способны объяснить: а) существования духовных ценностей; б) вариативно-

сти ценностей от субъекта к субъекту; г) эволюции систем ценностей от одной исторической эпохи к другой.

В настоящее время доминирует социологический подход (социальный детерминизм) к объяснению сущности ценностей. Социологизм признает, что социальная жизнь людей, а точнее, их многообразные, качественно дифференцированные и взаимосвязанные социальные действия порождают особые социальные смысловые сущности – ценности. Ценности – это особые отношения в пространстве человеческого выбора действий, вернее – предрасположения и ориентиры в планировании и осуществлении социальных действий. С позиции ценностей оценивается не только настоящее, но и прошлое, и будущее.

Наиболее известной формой проявления социологизма в объяснении ценностей является трактовка их генезиса на основе утилитаристских понятий потребности и интереса. Однако в последнее время усиливается критика подобной социологической позиции как ограниченной и ведущей к утилитаризму и релятивизму в трактовке ценностей. Подобное обвинение предъявляет к указанной позиции и Д. А. Леонтьев. Он считает, что ценности обладают самостоятельным статусом. Их нельзя считать ни атрибутами вещей, ни значимостями, обусловленными интересами и потребностями людей. «...Понятие ценности, – утверждает автор, – описывает особую реальность, не выводимую из потребностей. Ценность не вторична, она обладает особым статусом среди множества других окружающих человека предметов ... Спектр конкретных определений ценности в рамках этой общей установки достаточно широк – от любой лично осмысленной социальной нормы до осознанного и принятого смысла жизни» [1].

Необходимо отметить, что понятие интереса и потребностей не следует трактовать узко экономически, а тем более на консюмеристский лад. Спектр интересов и потребностей человека в современном мире не менее широк, чем спектр ценностей. Интересы и потребности людей, безусловно, влияют на формирование ценностей, но и сами ценности обуславливают формирование интересов и потребностей. Здесь властвует диалектика, система социальных связей и регуляций в обществе, а не противостояние того и другого. Стремление же искусственно оторвать ценности от интересов, потребностей, мотивов действий людей превращает их в некую трансцендентную сущность, стоящую над миром и человеком, что не продуктивно и возвращает нас к платоновскому миру всеобщих и вечных идеальных сущностей.

Как бы не относиться к эвристическим возможностям категорий интереса и потребности в объяснении генезиса ценностей (сами мы не исключаем этих возможностей), очевидно, что без глубокого анализа существующих в обществе связей и отношений субъектов, институтов, социальных действий мы не объясним происхождения загадочного феномена ценностей.

Вопрос о *познании* ценностей весьма специфичен и не сводим к привычным для нас парадигмам научного познания. Не случайно в отно-

пении к раскрытию генезиса и сущности ценностей чаще применяют термин «аксиология», а не «гносеология». Гносеологию связывают с раскрытием в человеческом познании имманентных (собственных) свойств изучаемого объекта, тогда как ценности формируются в особом отношении субъекта к объекту. Это отношение можно назвать *оцениванием* объекта или *установлением значимости* его для человека или человечества. Субъект принципиально не устраним в генезисе какой-либо ценности. В философском понимании ценностей важно различать *генезис ценностей* и процесс их *познания*, осуществляемый философом, социологом, психологом и др.

Генезис ценностей складывается стихийно и чаще всего анонимно в жизненном мире в многочисленных интеракциях индивидов [2]. Здесь доминирует оценивание. *Познание* же ценностей всегда является *рефлексией* ученого по отношению к уже установившимся в социуме ценностям. Задача социолога (и, конечно, любого другого ученого, стоящего на позициях науки), как настаивал М. Вебер, состоит в реконструкции существующих (или существовавших) ценностей, но не в приписывании социальным событиям собственных (авторских) ценностей. Тем самым М. Вебер принципиально различал позицию политика, который старается навязать людям (электорату) собственные ценности (или идеологию), и позицию социолога, который придерживается объективной точки зрения в реконструкции существующих в обществе (или социальной группе) ценностей. В этом и состоит суть веберовского принципа нейтральности к ценностям.

В генезисе ценностных смыслов принципиально не применим распространенный в отечественной литературе принцип «отражения», скопированный с примитивной модели обыденного познания. Принцип отражения применим (да и то с известной долей ограниченности) лишь к познавательным отношениям, ориентированным на мысленное воспроизведение в сознании имманентных свойств объекта. В нем не учитывается творческая активность субъекта, его конструктивная деятельность, направленная на изменение мира. Как только мы переходим к анализу социальных действий, к «производству» артефактов культуры, здесь на первый план выступает *проективное отношение человека к миру* [3]. Но именно ценности и образуются в проективном отношении человека к миру.

Ценность, возникающая в оценивании мира вещей, значимых для человека, обладает коварством кентавра, т.е. двойственной сущностью. С одной стороны, она возникает в сознании людей (как характеристика значимости чего-либо для человека), а с другой – ориентирована на окружающий человека мир (природный, социальный, культурный). По форме бытия ценность ближе всего к такому феномену, как смысл (далее следуют более отдаленные аналогии: знание, идея, представление и др.).

Раскрывая природу смысла, мы подчеркивали, что смысл есть осмысленное положение дел в мире [4]. Смыслы всегда находятся в сознании

субъекта, но характеризуют объекты мира. Смыслы связывают человека с миром. Смысл есть некоторая мысль об объекте. Объект не обязательно представляет собой какую-либо вещь мира, тем более – материальную. В качестве объектов осмысления могут выступать поступки людей, их действия, социальные институты и их функционирование и т.п. Но это может быть и Санта-Клаус или другой сказочный или фантастический персонаж. Смысл вообще безразличен к модусам его выражения (вопрошания, утверждения, отрицания, истины или заблуждения). Смысл – это содержание мысли, которое можно отрицать, утверждать и т.д. Важно отметить, что в рамках суждения о мире этот объект всегда является мыслимым объектом, которому приписывается определенное свойство. Гуссерль называл мыслимый объект ноэмой, чтобы отличить его от реального объекта.

Смыслы являются объективно-субъективной конструкцией, ибо они конструируются субъектом, но в своей проекции обращены к миру. Вектор осмысления исходит из сознания человека, но своим острием он упирается в мир. Элементарной формой смысла является пропозиция «S есть P», где S означает предмет суждения, а P – некоторое его свойство (предикат). Все смыслы могут быть условно разделены на когнитивные и ценностные, или просто – ценности. Характерно, что и ценностные смыслы могут быть выражены той же формулой суждения «S есть P».

В чем же различие когнитивных и ценностных смыслов? Когнитивные смыслы – следствие познания человека, осуществляемого в установке на «отражение» сущего во всех его трех временных ипостасях (прошлое, настоящее, будущее). Эта установка реализуется как в повседневном, так и в теоретическом познании.

Ценностный смысл выражает некоторую значимость для человека любого (материального или идеального) объекта, социального действия или образа желаемого будущего. Ценностное отношение вовлекает этот объект в пространство возможных действий субъекта (как реальных, так и мыслимых), вынося ему некоторую оценку, либо выражает ценностную значимость определенных действий субъекта (норм), либо, наконец, формирует идеал возможных представлений о действительности.

Характеризуя различие в когнитивных и ценностных смыслах, можно воспользоваться выражением известного отечественного психолога А. Н. Леонтьева, несколько видоизменив его [5]. Когнитивная установка раскрывает нам «что сие есть само по себе?», ценностная установка отвечает на вопрос «что сие значит для меня?».

В когнитивном суждении P есть характеристика объекта самого по себе, вне его какого-либо отношения к субъекту. Во всяком случае такая элиминация субъекта требуется познавательной установкой. В оценочном суждении, наоборот, P есть не собственная характеристика объекта, а характеристика значимости объекта (или его свойства) для субъекта. С гносеологической точки зрения элиминация субъекта в ценностях принципиально невозможна, хотя в повседневной жизни люди часто отождествляют свои оценки со свойствами самих вещей.

В жизненном мире люди обычно не осознают принципиальных экзистенциальных различий (т.е. различий в условиях существования) между смыслами о мире и самим миром. Понятие жизненного мира, которое ввел Гуссерль, а затем развил А. Шюц и его ученики (Бергер и Лукман), отличается отсутствием рефлексии по отношению к процессу происхождения и образования смыслов.

Это не означает, что люди в повседневной деятельности не мыслят или не понимают смыслов слов, или не конституируют смыслов своих действий и поступков. Наоборот, сознательные (т.е. достигшие социальной зрелости) субъекты делают это с успехом. Вся жизнь и деятельность человека пронизана смыслами о мире, благодаря чему, как говорил А. Шюц, *мир светится смыслами*. Чего они действительно не делают, так это то, что можно назвать *философской рефлексией* процесса генезиса смыслов и их отношения к миру. Ругать обычных людей за то, что они не являются философами, весьма неблагоприятная задача.

Когнитивный смысл, создаваемый людьми в установке «отражения», выступает в качестве мысленного заместителя (репрезентанта) в сознании «положения дел в мире». Благодаря содержательной направленности этого смысла на мир в сознании субъекта может возникнуть некритическое отождествление смысла с миром, пропозиции с реальным положением дел, понятия с вещью. Отождествление смысла (существующего лишь в сознании) с положением дел в мире, имен с вещами мы называем эффектом *склейки* [6]. Однако ни понятие, ни пропозиция, ни смысл не существуют в вещах, но повествуют о них. Мир и смысл мира принципиально различаются формами бытия: первое существует объективно (вне сознания субъекта), второе – лишь в сознании субъекта.

Недопустимое некритическое слияние того и другого существования явственно обнаруживается в следующем софизме античных стоиков «Телега»: «Все, что ты говоришь, выходит из твоего рта? Ты говоришь *телега*, значит, она выходит из твоего рта». Ошибка в софистическом рассуждении обусловлена именно *склежкой* смысла слова «телега» с реальной телегой.

Признание субъективной формы существования смысла, по существу, дезавуирует принцип «зеркального» (иногда употребляют термин «механистического») отражения в смыслах самой окружающей действительности. Полного изоморфизма даже в установке отражения никогда не бывает. Обескураживающее нас несовпадение смыслов и описываемой в них реальности выявляется лишь при обнаружении ложности смысла.

Критика механистического отражения в смыслах объективной реальности наиболее сильно была продемонстрирована в философии Канта и продолжена Гуссерлем [7], а потом поддержана социальными феноменологами (А. Шюцем и др.) [8].

Социальные феноменологи выступили с критикой традиционных макроподходов в социологии, считая, что их авторы неправомерно переносят на социальный мир тотальные смысловые конструкции (типа экономика и политика, социальная структура и социальная функция и др.), тогда

как, по их мнению, социальные теоретики должны обратиться к микропоходу, т.е. опираться на достоверно существующее – на социальные действия индивидов в конкретном обществе.

Н. М. Смирнова назвала переносы абстрактно-общих конструкций теоретика на сам социальный мир *реификацией*. Если когнитивные смыслы конституируются в гносеологическом направлении от изучаемой реальности к самим смыслам (теориям, гипотезам, моделям), то неосознаваемая *реификация* часто совершается в обратном направлении: от смыслов – к реальности. Эти же процессы реификации встречаются также в естественнонаучном познании. Однако не все смыслы, фигурирующие в теории, поддаются реификации, или, говоря традиционным языком философии, онтологизации. Так, мы пользуемся в теориях такими смысловыми конструктами, как бесконечно малая величина, идеальный газ, абсолютно черное тело, вечный двигатель. О таких объектах В. С. Степин сказал, что они не существуют в действительности, но представляют необходимые конструктивные элементы физических теорий, или идеальные объекты.

Еще явственнее проявляется различие в бытийности смыслов и вещей в *проективной установке*, которая реализуется в техническом, художественном, социальном и иных видах творчества. Проект, особенно новационный, относится к *замышляемому* субъектом, а не реальному «положению дел». Реализация этого проекта мыслится как цель, осуществимая в будущем. В проективной установке принцип отражения не работает. Субъект здесь мотивирован на достижимость желаемого, нужного, полезного для себя или общества (все это ценности), на необходимость созидания того, что отсутствует в мире.

Замышляемый проект и есть смысл, предпосылаемый созданию предмета культуры (артефакта). Ни один предмет культуры не может возникнуть в установке на принцип отражения в смыслотворчестве, ибо культура по своей сути есть преодоление существующего «положения дел» путем создания второго мира – мира артефактов.

Вернемся теперь к проблеме существования ценностей. Можно сразу же предположить, что сфера их бытования принципиально не отличается от существования смыслов, т.е. они находятся в сфере человеческого (как индивидуального, так и общественного) сознания. Однако существует довольно распространенное мнение, что они находятся в самом мире, а человек лишь осознает (отражает) их в своем сознании. Объясняется оно несколькими причинами.

Во-первых, некритическим (примитивным) гносеологизмом, отождествляющим смыслы вещей и сами вещи. В ценностях эта склейка *субъективной значимости* чего-либо для человека со свойствами самого объекта достигает еще большей силы и неотторжимости одного от другого. Именно благодаря этой склейке (осуществляемой сознанием субъекта) возникает превратное, иллюзорное мнение, что ценностные признаки присущи вещи без участия человека, который способен лишь осознавать их.

В дискуссиях о ценностях сложилось представление о двух типах ценностей: *предметных и субъектных*. Под предметными понимают ценности предметов (в широком смысле), выражающиеся в их оценке. Под субъектными понимают ценности, выражающие идеалы и нормы, иногда сюда относят еще социальные установки, способы обоснования ценностей.

Оценка, как мы старались показать, всегда обладает двойственной объективно-субъективной сущностью. Цель оценивания состоит в выявлении значимости (в широком смысле) какой-либо вещи или явления для человека. Но выявление этой значимости всегда основывается на существовании определенных свойств оцениваемой вещи. Медь обладает высокой электропроводностью, и это делает ее в представлениях людей *полезным* материалом для применения в технике. Когда мы выявляем объективное свойство меди (ее электропроводность) в когнитивной установке, то мы еще не устанавливаем ее ценности. Лишь в проективной установке мы рассматриваем возможности ее применения для блага человека, выносим оценочное суждение: эта вещь *полезна* для нас.

Существует лишь один тип «вещей», которые имеют двойственный (кентаврообразный) характер: это образы сознания. Но среди них мы различаем когнитивные образы (от чувственных до осмысленных) и ценностные, характеризующие значимость чего-либо для человека. Следовательно, *любые оценки существуют лишь в сознании людей*. Возражение против данного утверждения, основанное на аргументе, что указанная ценность все-таки не беспочвенна, а основывается на объективных свойствах вещи, не меняет сути дела. Вещь со своими свойствами существует в объективном мире, а ценность – в уме.

Во-вторых, существует весьма распространенное мнение, что формы выражения ценностей (оценки, идеалы и нормы) существуют в сознании человека, но сами ценности существуют в объективном мире. Такое утверждение искусственно отрывает форму от содержания. Трудно представить какую-либо ценность, которая не выражалась бы человеком в форме оценки, идеала или нормы. Ценность – это то, что *судится* человеком в каком-либо плане. Ценность без форм своего выражения – все равно что плод без конкретных форм своего воплощения (яблок, вишен, апельсинов и т.д.). Ценность – это общее название класса разнообразных значимостей для человека вещей, явлений, артефактов. Но отождествлять вещь и ее ценность нельзя.

Ценность одно из специфических свойств вещи, существующее лишь *в отношении* действующего субъекта к возможностям так или иначе использовать или учитывать ее в своей деятельности. В основе аргумента обособления и противопоставления ценностей своим формам выражения (т.е. их разновидностям) лежит известная логическая ошибка – гипостазирование общего, придание ему предметной формы. О таком гипостазировании ценностей говорит Д. А. Леонтьев [1].

Проведем мысленный эксперимент с ценностями. Допустим, что у нас исчезло (каким-либо необъяснимым образом) то, что мы называем

ценностью. Что у нас останется? У нас останутся все природные вещи и артефакты, например религия, произведения искусства и др. со всеми их специфическими свойствами, но лишенные статуса ценности. У нас исчезает возможность называть их ценностями, т.е. полезными, хорошими, благими, совершенными, нужными и т.д. «вещами». Правда, кое-что исчезнет из мира, особенно это касается предметов культуры, поскольку все они создаются в модусе полезного, благого для человека или человечества. То, что не считается полезным, обычно и не создается человеком.

Наш мысленный (и весьма искусственный) эксперимент придуман лишь для того, чтобы подчеркнуть производность представлений о ценностях от отношения человека к природному и социальному миру. Ценности вне человека и человечества не существуют.

Наконец, существует третье обстоятельство, которое используется в качестве аргумента об объективности ценностей. Это существование надындивидуальных ценностей. Каждый индивид, вступая в социальную жизнь (т.е. социализируясь), застаёт в ней существование независимых ценностей, с которыми он вынужден считаться. Эти надындивидуальные ценности существуют в общественном сознании, и, как и прочие духовные явления (наука, право, мораль и др.), они объективны по отношению к сознанию индивида. Дюркгейм считал, что любое свершившееся социальное событие (факт) можно рассматривать как «вещь» социального мира.

Следует различать многозначность понятия объективности. Объективность вещей материального мира означает их независимость от человека и человечества, их онтологическое существование вне человека. Все артефакты (т.е. материальные и духовные продукты человеческой деятельности), конечно, не существуют независимо от конкретного субъекта (актора) деятельности и его сознания. Объективность социальных феноменов состоит в том, что они объективны лишь по отношению к индивидуальному сознанию. Не я создал искусство, мораль, право и т.д., поэтому я воспринимаю их как нечто существующее объективно и навязанное мне обществом. Абсолютизация объективности этих ценностей затушевывает тот факт, что они сами подвергаются закону производства артефактов, т.е. являются в конечном счете продуктом деятельности людей. И предметы утвари, и произведения искусства, и мораль, и право создают люди. И, конечно, надындивидуальные ценности также являются человеческим продуктом, генезис которых теряется в глубокой истории человечества.

Проблема объективности и общезначимости так называемых общечеловеческих ценностей коренится в диалектике связи индивидуальных и общезначимых (надындивидуальных) ценностей, которая обычно обсуждается в рамках соотношения личностных и общественных (общезначимых) смыслов [10]. Для отечественного читателя данная проблема знакома в связи с вопросом о соотношении индивидуального и общественного сознания. Но эта проблема уже выходит за пределы представленной нами статьи.

Литература

1. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие : опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 18.
2. Кравец А. С. Социальная феноменология в поисках смысла / А. С. Кравец // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2011. – № 1. – С. 52–73.
3. Кравец А. С. Понимание смысла социальной деятельности / А. С. Кравец. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2008.
4. Кравец А. С. Три парадигмы смысла / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Серия: Философия. – 2004. – № 6.
5. Леонтьев А. Н. О психологической функции искусства (гипотеза) / А. Н. Леонтьев // Художественное творчество и психология / под ред. А. Я. Зися, М. Г. Ярошевского. – М. : Наука, 1991. – С. 184.
6. Кравец А. С. Смыслы и ценности / А. С. Кравец // Вестник МГУ. Серия: Философия. – 2007. – № 6.
7. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – Т. 1.
8. Шюц А. Избранное : Мир, светящийся смыслом : пер. с нем. и англ. / А. Шюц. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
9. Смирнова Н. М. Современная феноменология в изучении общества / Н. М. Смирнова. – М. : Канон + : Реабилитация, 2009.
10. Кравец А. С. Второе дыхание герменевтики / А. С. Кравец // Современные проблемы познания в социально-гуманитарных и естественных науках : материалы Всерос. науч. конф. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2010.

Воронежский государственный университет

*Кравец А. С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания
E-mail: kravets.2011@mail.ru
Тел.: 8(473) 277-31-07*

Voronezh State University

*Kravets A. S., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ontology and Epistemology Department
E-mail: kravets.2011@mail.ru
Tel.: 8(473) 277-31-07*